

Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики на базе параллельных корпусов

Russian *net*, german *nein*, english *no*: contrastive semantic analysis with parallel corpora

Добровольский Д. О. (dm-dbrv@yandex.ru; Dmitrij.Dobrovolskij@assoc.oeaw.ac.at), **Левонтина И. Б.** (irina.levontina@mail.ru)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Слова *нет*, *nein* и *no* оказываются эквивалентными далеко не во всех случаях, причем расхождения в их употреблении системно возникают во вполне определенных типах контекстов. Основная причина таких расхождений в том, что русское *нет* способно отсылать не только к диктуму, но и к модусу, соотноситься с разными слоями смысла высказывания, в частности с «невысказанным».

1. Описание семантики в целом в значительной степени опирается на разного рода перефразирования, синонимические преобразования и установление смысловых различий между близкими единицами (ср. понимание смысла как инварианта синонимических преобразований в модели «Смысл-Текст»). В первую очередь, конечно, рассматриваются случаи, когда появление той или иной единицы в одних контекстах возможно, а в других — нет. Иными словами, описание значения основывается на употреблении, возможности/невозможности взаимозамен и т. п. В сопоставительных исследованиях этот принцип выглядит так: в одних случаях слово одного языка переводится на другой язык с помощью X, а в других — с помощью Y. И взаимозамены X и Y невозможны.

Однако часто различия в употреблении имеют характер предпочтений, тенденций, статистических закономерностей. Подобные различия, тем не менее, часто основаны на разнице в семантике единиц. Соотношения такого рода исследовать гораздо труднее. Их достоверное описание было практически невозможно до появления корпусов параллельных текстов. До этого лингвисты могли делать утверждения о предпочтениях, лишь основываясь на собственной семантической интуиции и отдельных наблюдениях.

Конечно, было бы наивно думать, что само наличие параллельных корпусов обеспечивает нас новым уровнем знаний. Корпус является лишь инструментом, который позволяет проверить гипотезы, возникающие в результате семантического анализа. Установление статистических закономерностей не должно подменять собою обнаружение семанти-

ческих механизмов, лежащих в основе функционирования языковых единиц.

Кроме того, специфика языка как объекта исследования такова, что предполагает критическое отношение исследователя к материалу, то есть к узусу.

Наконец, реально существующие корпуса имеют множество ограничений, связанных с их объемом и составом.

2. Некоторое время назад мы обратили внимание на различия в употреблении русского слова *нет* и его немецкого эквивалента *nein*. Мы предположили, что такие различия семантически мотивированы, и исследовали их в основном путем опроса носителей языка. Многочисленные примеры несовпадений заставили нас заподозрить, что если русское *нет* имеет очень широкое значение, которое может быть связано как с диктумом, так и с модусом высказывания, то немецкое *nein* несколько уже и в целом более тесно связано с диктумом, с пропозицией.

Чтобы проверить эту гипотезу, мы применили следующую процедуру:

1. Мы построили ряд естественных русских высказываний с *нет* в контексте императива;
2. Мы перевели их на немецкий язык, употребив *nein* в соответствии с русским *нет*;
3. Мы предъявили полученные фразы носителям немецкого языка, а затем обобщили и проанализировали их реакцию.

Мы начали с того, что взяли следующий фрагмент со словом *nein* из перевода «Волшебной горы» Томаса Манна (пер.: В. Станевич) как бы в обратном переводе на немецкий: — *Мне пора. — Нет, подожди, подожди! — Ich muss schon gehen. — ?Nein, warte!*

(в оригинале: *Halt, warte!*). Некоторые из опрошенных информантов сочли фразу *Nein, warte!* неудачной, предложив заменить ее на *Warte mal* или *Warte doch*. Другие сказали, что в разговорном языке она допустима.

Мы обнаружили определенные семантические закономерности, которые описали в работе [Добровольский, Левонтина, в печати]. Однако мы столкнулись с тем, что в тех случаях, когда различия в употреблении носят характер предпочтений, опрос информантов представляет определенные трудности. Когда различия не имеют формы явного запрета, одни информанты склонны к тому, чтобы любую фразу счесть возможной, другим же, напротив, все начинает казаться сомнительным. Кроме того, в языке часто бывает так, что отдельно взятую фразу сказать можно, но в реальном дискурсе предпочитается другая форма выражения.

Сложность здесь состоит еще и в том, что многие семантические механизмы носители языка не осознают, так же, как они не слышат, например, что оглушают согласные на конце слова (ср. соответствующие наблюдения Пинкера в [Pinker 1994]).

Сознавая ограничения, связанные с опросом информантов, мы решили продолжить исследование, основываясь на материале параллельных корпусов (мы воспользовались Корпусом Австрийской академии — ААС¹ и НКРЯ). На этом этапе мы решили добавить к сопоставлению английский язык, обратив внимание на то, что в рассматриваемом отношении английский и немецкий языки представляются похожими, хотя и не совпадающими.

Параллельные корпуса (доступные нам) — исключительно художественные тексты. Это нам кажется положительным моментом, потому что литературные переводы художественных текстов (особенно классических) выполняются, как правило, на хорошем уровне, хорошим литературным языком. С этой точки зрения богатый материал дают такие тексты, которые имеют по несколько различных профессиональных переводов. Так, например, мы рассматривали текст «Идиота» Достоевского (из корпуса ААС) и три его наиболее известных перевода (самый первый полный перевод Э.К. Разин — псевдоним Лесс (Элизабет) Керрик –, и два последних: Х. Хербота и С. Гайер).

(1) **Нет**, Рогожин на себя клеветает; у него огромное сердце, которое может и страдать и сострадать.

(2) **Ja**. Rogoschin verleumdet sich selbst; er hat ein großes Herz, das zu leiden und mitzuleiden vermag. (пер.: С. Гайер)

¹ Этот параллельный корпус создан в Австрийской академии наук в Вене.

(3) **Doch** Rogoshin verleumdete sich selbst; er hatte ein weites Herz, das sowohl leiden als auch mitleiden konnte. (пер.: Х. Хербот)

(4) **Nein**, Rogoshin verleumdet sich selbst: er hat ein großes, ein so großes Herz, ein Herz, das Leid und auch Mitleid zu empfinden versteht. (пер.: Э. К. Разин)

Совершенно естественное в русской фразе *нет* у немецких переводчиков, особенно современных, явно вызвало затруднения, и буквальный перевод с помощью *nein*, во всяком случае в современном немецком языке, по каким-то причинам избегается².

3. В настоящей работе мы используем немецко-русский, англо-русский и русско-немецкий и русско-английский параллельные корпуса. В результате семантического анализа расхождений в употреблении *нет*, *nein*, *no* удалось установить, что они системно возникают во вполне определенных типах контекстов. Разумеется, объем статьи не предполагает в данном случае полного описания сходств и различий русского *нет*, немецкого *nein* и английского *no*. Здесь мы представим только несколько «очагов» расхождений между ними. В дальнейшем результаты можно будет проверить на более широком материале. Однако некоторые выводы о семантике русского *нет*, немецкого *nein* и английского *no* уже можно сделать. Мы пока оставляем в стороне вопрос о том, что у *nein* и *no* есть дополнительные значения, которых нет у русского *нет* (например, значение ‘не может быть’³).

Отправной точкой нашего исследования является русское слово *нет*. Поиск в корпусах осуществляется именно на это слово. При работе с параллельными корпусами обращает на себя внимание, что во многих случаях *nein* и *no* переводятся не с помощью *нет*, а как-то иначе, а *нет* далеко не всегда переводится как *nein* или *no*.

4. Наиболее бросающееся в глаза различие между тремя рассматриваемыми языками состоит в том, что они принципиально по-разному устроены с точки зрения выражения опровержения. В русском и английском языках представлена двучленная система: *да/yes* и *нет/no*, в то время как в немецком система трехчленная: также есть *ja* и *nein*, но кроме того, есть отдельное слово *doch* (нечто вроде ‘нет да’).

² Здесь необходимо учитывать, что Светлана Гайер, автор последнего, наиболее точного и художественно совершенного перевода, в целом стремится переводить по возможности максимально близко к оригиналу, и то, что она сочла необходимым поменять *нет* на *да*, показательна.

³ Ср. следующий диалог по телефону:
— Guten Tag! Hier Dima.
— Nein! Dima? Sind Sie in Deutschland?
— Здравствуйте! Это Дима.
— Не может быть! (букв.: Нет!) Дима? Вы в Германии?

При этом в английском и русском языках утвердительное и отрицательное слово распределены по-разному. Английское *yes* может, в отличие от русского *да*, использоваться не только для подтверждения, но и для опровержения. Возможен и, более того, совершенно типичен диалог: — *You can't do it!* — *Yes, I can.* По-русски же неправильно: — *Вы этого не можете!* — *Да, могу.* Тут надо сказать: — *Нет, могу.* Наше *да* выражает скорее согласие с собеседником, а не удостоверение правильности содержания высказывания. И в немецком нельзя здесь употребить слово *ja* 'да'. Нужно использовать *doch* (ср. *Doch, ich kann es*).

Так, в «Вини-Пухе» Пятачок настаивал, что надпись на обломанной табличке у его дома «ПОСТОРОННИМ В» — это имя его дедушки. Дальше по-английски так:

- (5) *Christopher Robin said you couldn't be called Trespassers W, and Piglet said yes, you could, because his grandfather was.*

А в заходеровском тексте так:

- (6) *Кристофер Робин сказал, что не может быть такого имени — Посторонним В., а Пятачок ответил, что нет, может, нет, может, потому что дедушку же так звали! (пересказ Б. Заходера)*

Естественно, в этом месте немецкого перевода читаем:

- (7) *Christopher Robin sagte, man könne nicht Betreten V heißen, und Ferkel sagte, doch, das könne man, sein Großvater habe ja so geheißen. (пересказ Х. Ровольта)*

Итак, в целом можно сказать, что немецкому *doch* в русском языке регулярно соответствует *нет*, а в английском — *yes*. Анализ англо-русского корпуса показывает, что в данном типе контекстов *yes* вполне системно переводится как *нет*. Ср. примеры из «Прощай, оружие!» Эрнеста Хэмингуэя в переводе Е. Калашниковой:

- (8) — *Still I would probably have been killed. — Not in this ambulance business. — Yes, even in the ambulance business.*

— *Но я бы, наверно, погиб. — Ну, в санитарном отряде едва ли. — Нет, даже и в санитарном отряде.*

- (9) — *There is no finish to a war. — Yes there is. — Война не имеет конца. — Нет, конец есть.*

- (10) — *You don't like Rome? — Yes, I love Rome. — Вам не нравится Рим? — Нет, я люблю Рим.*

Впрочем, анализ русско-английского корпуса показывает, что данному типу русских контекстов в английском не всегда соответствуют именно фразы с *yes*. Очень типичен здесь и вариант с выносом вспомогательного глагола, иногда с участием других средств смыслового подчеркивания. Ср. контекст из «Мертвых душ» (пер.: Д. Дж. Хогарт):

- (11) — *Ты, однако ж, не сделал того, что я тебе говорил, — сказал Ноздрев, обратившись к Порфирию и рассматривая брюхо щенка, — и не подумал вычесать его? — Нет, я его вычесывал.*

— *I can see that you haven't done what I told you to do, he continued to Porphyri after an inspection of the animal's belly — you have quite forgotten to brush him. — I DID brush him, protested Porphyri.*

Как видно из приведенных примеров, у русского слова *нет* обнаруживаются удивительно глубокие отличия от английского, а также и немецкого (см. подробнее в работе [Добровольский, Левонтина, в печати]) аналогов. Эти различия можно описывать в терминах сферы действия. Несколько огрубляя, можно сказать, что английские *yes* и *no* ориентированы в первую очередь на внутреннюю сферу действия, то есть на пропозициональное содержание самого высказывания, в котором они находятся. В то же время русские *да* и *нет* ориентированы скорее на внешнюю сферу действия, то есть выражают согласие или несогласие с тем, что говорилось или даже подразумевалось в других высказываниях.

Если бы дело было только в примерах такого типа, можно было бы считать, что мы имеем дело с некоторым регулярным различием, которое можно описать одним простым правилом. Однако есть много других примеров несовпадения употребления слова *нет* с английскими и немецкими эквивалентами, которые, будучи даже не столь очевидными в каждом отдельном случае, в своей совокупности доказывают, что речь действительно должна идти о фундаментальных различиях в семантике, которые и лежат в основе этих расхождений.

Так, для русского языка очень характерна ситуация, когда в споре оба говорящих начинают свои реплики с *нет*, независимо от того, отрицается ли что-либо в данной реплике (естественно, в английском или немецком переводе эти *нет* чаще всего опускаются); ср.:

- (12) — *Нет, ты не можешь отказаться, — говорил Ноздрев, горячась, — игра начата! — Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку. — Нет, врешь, ты этого не можешь сказать! — Нет, брат, сам ты врешь! (Н. В. Гоголь. Мертвые души)*

— *But you can't refuse to, — said Nozdrev, growing heated, you see, the game has begun. — Nevertheless, I have a right not to continue it, seeing that you are not playing as an honest man should do. — You are lying — you cannot truthfully say that. — Tis you who are lying.*⁴

Другая важная особенность русского *нет* состоит в том, что оно часто выражает, так сказать, ответ на невысказанное. Здесь возможны самые разные виды смысловых связей, которые мы сейчас рассмотреть не можем. Некоторые типы подобных употреблений мы описали в статье [Добровольский, Левонтина, в печати], в связи со случаями несоответствия в употреблении русского *нет* и немецкого *nein*.

Ср. следующий пример из «Мертвых душ», где *нет* используется для понижения иллюкутивной силы, значимости вопроса:

- (13) — *Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему. — Нет, я спросил не для каких-либо, а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест, — отвечал на это Чичиков. — A man had far better go to hell than to Plushkin's. — Quite so, — responded Chichikov, my only reason for asking you is that it interests me to become acquainted with any and every sort of locality.*

Чичиков спешит оправдаться, опасаясь, что Собакевич заподозрит его в чрезмерной заинтересованности в информации о Плюшкине, и *нет* служит для того, чтобы заранее снять все возможные подозрения.

Чрезвычайно характерна для русского языка и ситуация, когда *нет* относится к собственным колебаниям говорящего, о которых он до этого не упоминал (*Нет, я все-таки скажу...*), и в этом случае ни *no*, ни *nein* невозможны. Ср. следующий пример:

- (14) *Письмо начиналось очень решительно, именно так: «Нет, я должна к тебе писать!» (Н. В. Гоголь. Мертвые души) Beginning abruptly with the words «I MUST write to you!»*

Наиболее экзотическую с точки зрения немецкого и английского языка группу примеров употреблений русского *нет* составляют характерные для русского непринужденного дискурса контексты, где *нет* вообще никак не связано с идеей отрицания (*Нет, ну что за молодец!; Нет, ты просто гений!*). В уже цитированной совместной работе мы описывали эксперимент: русские фразы с *нет* были запи-

саны в реальном диалоге и переведены на немецкий, ср:

- (15) *Почему ты не сдал работу вовремя? Нет, это просто дурь какая-то! Warum hast du die Arbeit nicht rechtzeitig abgegeben? ?Nein, das ist doch blöd!*

Мы также обнаружили, что в русских переводах немецких художественных текстов *нет* очень часто появляется в таких случаях — при том что в немецком оригинале никакого отрицания не было. Ср. примеры из «Волшебной горы» Томаса Манна в переводе Веры Станевич:

- (16) *Zu einem Sterbenden! Das ist doch stark! Это умирающему-то! Нет, это уж слишком!*

- (17) *«Sie war unter die Decke gekrochen!» sagte Joachim. «Stelle dir meine Empfindungen vor!» — Она заползла под одеяло! — сказал Иоахим. — Нет, ты представь, что я испытывал!*

- (18) *Es ist etwas Bedenkliches um die Musik, meine Herren. Нет, господа, в музыке есть что-то подозрительное.*

Во всех этих примерах русское *нет* взаимодействует не с пропозицией, а с представлениями говорящего о тех или иных свойствах ситуации в целом. Иными словами, отрицается не сказанное, а «невысказанное». Так, говоря *Нет, это уж слишком!*, мы, естественно, не даем отрицательный ответ на поставленный вопрос (никто ни о чем не спрашивал), а выражаем свое неприятие обсуждаемого положения вещей. Сходным образом, во многих ситуациях *Нет, ты представь себе!* звучит по-русски естественнее, чем просто *Ты представь себе!* Говорящий как бы возражает против самой возможности того, что адресат не проявит к его словам должного сочувствия.

Вообще, случаи, в которых переводчик добавляет слово, которого не было в оригинале, очень показательны. Видимо, хороший переводчик идет на это, только если ему кажется, что без такого добавления высказывание будет звучать по-русски неестественно или бессвязно.

В указанном отношении с русскими переводами английских текстов дело обстоит так же. Ср. контексты из «Прощай, оружие!»:

- (19) *«He was really a lovely horse,» Catherine said. «Нет, правда, чудесная лошадь», сказала Кэтрин.*

- (20) *I tell you this war is a bad thing. Нет, в самом деле, скверная штука война.*

⁴ Английское *but* довольно регулярно соответствует русскому *нет* в функции «ответа на невысказанное».

(21) — *He's just a big-hearted joker. — Really he was very nice.*
— Он шутник, твой доктор. — **Нет**, в самом деле, он очень славный.

Надо заметить, что для русского дискурса вообще очень характерны сочетания типа *нет, правда/нет, точно/нет, конечно* и даже *нет, да (Нет, да, я согласен)*, в то время как *nein, stimmt/nein, ja/no, sure/no, yes* явно нетипичны.

Русское *нет* очень сильно отличается от немецкого и английского аналогов в контексте побудительных высказываний (ср. подробнее в цитированной совместной статье). Особенно это заметно в ситуации повторного требования.

(22) — *Да зачем, я и так вижу: доброй породы! — отвечал Чичиков. — Нет, возьми-ка нарочно, пощупай уши! (Н. В. Гоголь. Мертвые души)*
— *Why should I? — without doing that, I can see that he is well-bred. — Nevertheless, catch hold of his ears and feel them.*

Значение этой дискурсивной частицы *нет* в других языках распределяется между несколькими частицами и союзами: *aber, doch, sondern, but, nevertheless, however*.

Вообще повторное побуждение в русском языке практически обязательно маркируется — часто при помощи частиц *ну, да, же* и др.; см. [Левонтина 1999]. В случае эксплицитного отказа повторное требование часто начинается с *нет*, а в немецком и английском это обычно недопустимо. Ср. следующий контекст, содержащий повторное побуждение: после полученного отказа говорящий повторяет свое требование, не желая признавать права адресата на отказ.

(23) «*Kommen Sie mit*», sagte K., «*zeigen Sie mir den Weg, ich werde ihn verfehlen, es sind hier so viele Wege.*» «*Es ist der einzige Weg*», sagte der Gerichtsdienner nun schon vorwurfsvoll, «*ich kann nicht wieder mit Ihnen zurückgehen, ich muss doch meine Meldung vorbringen und habe schon viel Zeit durch Sie versäumt*». — «**Kommen Sie mit!**» wiederholte K. *jetzt schärfer, als habe er endlich den Gerichtsdienner auf einer Unwahrheit erappt.* (Ф. Кафка. Процесс)

— *Пойдемте со мной*, — сказал К, — *покажите мне дорогу, не то я запутаюсь, здесь столько входов и выходов. — Нет, это единственный выход*, — уже с упреком сказал служитель, — *а вернуться с вами я не могу, мне еще надо передать поручение, я и так потерял с вами уйму времени. — Нет пойдёмте!* — уже резко сказал К, словно наконец уличил служителя во лжи. (пер.: Р. Райт-Ковалева)

Этот тип контекстов также иллюстрирует те свойства русского *нет*, которые отличают его от английского и немецкого аналогов — такие, как ориентация на внешний контекст (то есть на аспекты ситуации, внешние по отношению к пропозитивному содержанию высказывания), способность отсылать не только к диктуму, но и к модусу, соотносительность с разными слоями смысла высказывания, в частности с «невывказанным», то есть всевозможными предполагаемыми следствиями и импликатурами дискурса. Все эти особенности слова *нет* хорошо согласуются с характерной для русского языка структурой дискурса: его повышенной связностью, особенно типичной для диалога, постоянной апелляцией к разным слоям высказывания и вниманием к взаимоотношениям с собеседником, которые говорящий непрерывно выстраивает в ходе диалога.

Литература

1. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) // Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик, в печати.
2. Левонтина И. Б. Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 188–201.
3. Pinker S. The language instinct. How the mind creates **language**. New York: HarperCollins, 1994.